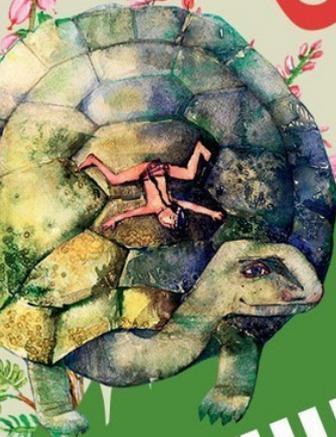

СЕРАЯ СОВА

Садэжо и её добры

лучшие рассказы
**О ЖИВОЙ
ПРИРОДЕ**

с вопросами и ответами
для почемучек

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

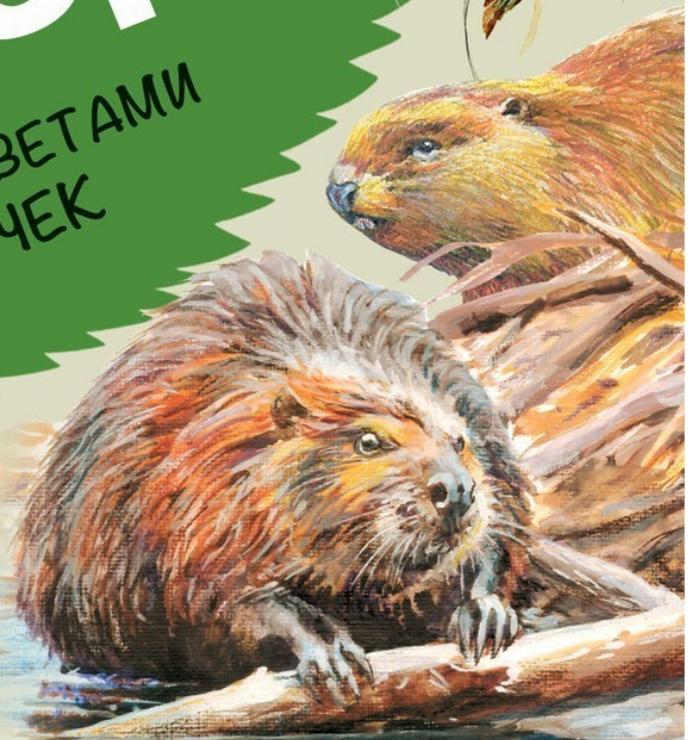
БИОЛОГИЧЕСКИЙ

МУЗЕЙ

ИМ. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

РЕКОМЕНДУЕТ

Двадцать

Лучшие рассказы о живой природе с
вопросами и ответами для почемучек

Серая Сова

**Саджо и ее бобры. С вопросами
и ответами для почемучек**

«Издательство АСТ»

1936

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

Серая Сова

Саджо и ее бобры. С вопросами и ответами для почемучек / Серая Сова — «Издательство АСТ», 1936 — (Лучшие рассказы о живой природе с вопросами и ответами для почемучек)

ISBN 978-5-17-114674-0

В книгу вошло удивительно теплое и увлекательное произведение канадского писателя Арчибальда Стэнфелда Билэйни, взявшего себе псевдоним Серая Сова, о приключениях двух бобрят и ребят из индейского поселка. Эту замечательную повесть теперь можно прочитать с комментариями биолога и по-новому взглянуть на окружающий нас мир живой и вечно изменяющейся природы! Для младшего и среднего школьного возраста.

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

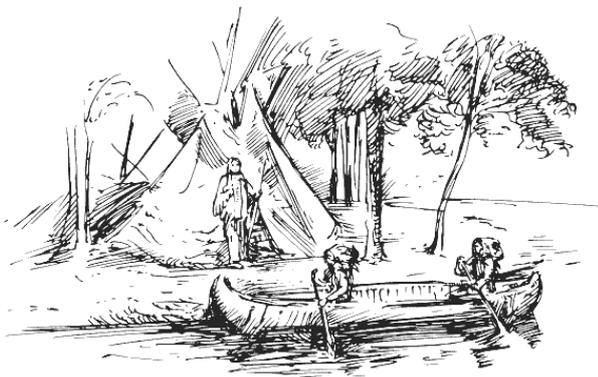
ISBN 978-5-17-114674-0

© Серая Сова, 1936

© Издательство АСТ, 1936

Содержание

Глава 1	7
Справочное бюро	10
Кто такие бледнолицые? Почему их так прозвали?	10
Что такое индейская резервация?	10
Кто такие мускусные крысы?	10
Почему бобры считаются очень умными животными?	11
Можно ли их считать особым племенем среди животных?	
Глава 2	12
Справочное бюро	15
Кто такие колибри?	15
Что за зверь серебристая рысь?	15
Лоси больше лошадей?	15
Зачем бобрам такой необычный хвост?	16
Чем питаются бобры? Почему?	16
Что такое мокасины?	16
Почему выдра враг бобров?	16
Глава 3	18
Справочное бюро	22
Что это за стена? Как бобры ее строят?	22
Что такое землянка у бобров?	22
Почему у бобров такие лапы?	22
Что это за отверстие? Зачем оно?	23
Сколько бобрят рождается у бобров? Почему они кричат и визжат?	23
Почему на 20-й день у бобрят праздник?	23
Это правда? А плавают быстро?	24
Почему выдры шипят?	24
Глава 4	25
Справочное бюро	30
Бобры добрые и игривые?	30
На что готовы родители ради детенышей?	30
Почему индейцы так относятся к бобрам?	30
У молодых бобров совсем нет запаха?	31
Кто такая норка?	31
Кто такая сова-хохотунья?	32
Какая лань обитает на землях индейцев?	32
Маленькие бобры питаются молоком? Зачем молоко потребовалось разводить?	32
Что за дерево кедр? Что такое лыко?	33
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Серая Сова
Саджо и ее бобры. С вопросами
и ответами для почемучек

© Макарова А.Ю., пер. с англ., насл., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Страна северо-западных ветров

Далеко-далеко за городами, поселками, за полями северной Канады лежит дикая, забытая страна. Если бы вам захотелось взглянуть на нее, то пришлось бы проделать долгий путь через холмы и все дальше и дальше – туда, где нет ни железных, ни проселочных дорог, нет даже тропинок и нигде не видно домов. С индейцем-проводником вы поплыли бы в легком челне по рекам и озерам через бескрайние дремучие леса, где на свободе живут лоси, олени, медведи и волки, а канадские олени порой бродят такими огромными стадами, что никто не мог бы счесть их, даже если бы это и нужно было.

Там, на севере, вы увидели бы Америку такой, какой она была до того, как открыл ее белый человек. Даже теперь вы редко повстречаетесь в этих местах с **бледнолицым**, потому что, кроме немногих трапперов – охотников за пушным зверем – и торговцев, здесь живут только индейцы племени оджибуэй, которые называют свою родину Киуэйдин или Страной Северо-Западных Ветров. Они поселились здесь так давно, что никто не знает, когда они сюда попали и откуда пришли. Здесь, вдали от цивилизованных стран, они живут так, как жили их предки, когда свыше четырехсот лет назад Жак Картье высадился на этих берегах. И сейчас можно увидеть их вигвамы, палатки и бревенчатые хижины, разбросанные небольшими деревушками в тенистых рощах и на открытых полянах, а иногда и на песчаном берегу озера; нередко расстояние в сотни миль разделяет эти индейские деревни друг от друга. Индейцы живут отдельными семьями – каждая семья в своем вигваме или хижине. В хорошие дни они веселы и довольны, ну а когда наступают тяжелые времена, бывает, живут и впроголодь, как это случается и с цивилизованными людьми.

Никто не сидит сложа руки в индейском становище, работают даже дети. Особенно много дел приходится выполнять в пути, потому что индейцы постоянно передвигаются с места на место. Случается, что пушной зверь вдруг исчезает из округи и люди вынуждены или следовать за ним, чтобы не умереть с голоду, или искать новые места для охоты. Тогда весь лагерь снимается, вещи нагружают на челны или на сани, смотря по времени года, и отправляются в путь-дорогу за много-много миль. Во время зимних кочевок маленькие мальчики и девочки поочередно прокладывают тропу – на протяжении мили, а то и двух – для целого каравана саней, запряженных собаками, и для сопровождающих людей: они очень гордятся этим занятием. Летом дети вместе со взрослыми садятся в челны и по целым дням гребут; они помогают также переносить поклажу на волоках. Им нравится такая работа, и они относятся к ней не менее серьезно и по-деловому, чем их родители к своим обязанностям.

Дети, которые летом живут вблизи фактории или же в **индейской резервации**, имеют возможность посещать школу. Если они учатся хорошо, то становятся врачами, учителями, писателями или художниками. А те ребята, которые круглый год живут в глуши, среди дикой природы, получают совсем иное образование.

Их школа – лес, и в этой школе они приобретают знания, необходимые для образа жизни индейца-охотника. Там они узнают, как живут деревья, цветы и травы, какие обычаи и повадки у диких животных, как ловить их, как удить рыбу в любое время года и – самое основное – как разжигать костер во всякую погоду: в дождь, бурю, метель. Они не только приучаются узнавать голоса птиц и зверей, но умеют и перекликаться с ними. Чтобы заставить челн быть послушным, они должны знать секреты движения воды в реках и озерах. Им надо научиться многому: владеть ружьем и топором, ходить на лыжах, погонять запряженных в сани собак, не говоря уж о том, что всем необходимо знать, как мастерить мокасины, дубить шкуры и варить обед.

Маленькие индейцы не знают, что такое компас. Странствуя по дремучим лесам, они привыкают угадывать путь по солнцу, луне и звездам, по очертаниям деревьев и форме холмов, по движению животных и по многим другим приметам. Они настолько хорошо ориентируются в лесу, что не боятся отправиться в трудное, долгое путешествие и смело идут навстречу опасностям, как это было с детьми – героями этой повести.

Не трудясь, не проживешь в индейском становище; тот, кто ленится, очень скоро остается без крова, одежды и голодает. В минуты нужды индейцы охотно делятся всем, что у них есть, но лентяев они не терпят.

Однако и в трудовой жизни есть часы отдыха. Молодежь всегда находит время поиграть в подвижные и веселые игры. По вечерам, при мерцающем свете северных звезд, труженики леса, большие и маленькие, иногда собираются вокруг костра отдохнуть и послушать рассказы стариков. Здесь услышишь и про охотничьи скитания, и про индейцев далеких племен, и о великих людях седого прошлого, и о самых странных приключениях в лесу.

Но удивительнее всего рассказы стариков, побывавших в далекой стране на юге, где живут бледнолицые. Там, где огромные сани со скоростью ветра мчатся на колесах по железной тропе; где дымящиеся челны почти так же быстро плывут по воде; где нет индейцев, где совсем мало деревьев, только ряды высоких каменных домов, между которыми, суетясь и спеша, бродят шумными толпами люди, и кажется, будто они пришли ниоткуда и идут никуда. В той стране, говорят, нельзя ни спать, ни есть, если у тебя нет денег. И это кажется особенно странным, потому что в любом индейском становище и в лагерях трапперов-охотников путника всегда радушно встретят, накормят и приютят.

Жадно слушают эти удивительные рассказы черноглазые веселые детишки и даже взрослые – ведь они так же мало знают о жизни людей в больших городах, как, наверное, вы – о лесной жизни индейцев. Я рос среди индейцев, вместе с ними сидел у костра и слушал рассказы о чужих странах. Вот и мне захотелось рассказать про свою далекую дикую родину.

Много рек протекает в тех темных, дремучих лесах, где живут неведомые вам люди и животные. Это водные пути для индейцев, которые странствуют в своих быстрых челнах. Это пути и для многих зверьков: для бобра, выдры, норки, **мускусной крысы**. Бесчисленные тропы выются в лесной глуши; вы ни за что не нашли бы их – это дороги сухопутных животных.

Все четвероногие обитатели леса находятся в постоянном движении. Они, как и люди, много трудятся. Им нужно прокормить не только самих себя, но и позаботиться о своих детенышах.

Есть среди диких зверей одиночки, которые не имеют постоянного жилья; другие живут обществами, строят большие города с подземными тоннелями и коридорами. **Самые умные из них – бобры**; они строят теплые дома, сооружают запруды, откладывают запасы корма на зиму, работают почти как люди и часто в часы отдыха что-то лепечут друг другу, словно разговаривают между собой; у них очень много своих, «бобровых» забот.

Индейцы удивляются уму и трудолюбию этих зверьков, с интересом следят за их поведением и готовы считать бобров особыми племенами людей, лишь немногим отличающимися от них самих. В звуках бобрового лепета они даже улавливают сходство с человеческой речью. И хотя большинство индейцев, по старому обычаю своего народа и по нужде, занимаются охотой, они с большим уважением относятся к животным и без причины никогда не тревожат их. Они понимают, что все животные, даже самые маленькие, занимают свое особое место в природе; а так как звери делят с людьми лишения и трудности жизни в лесу, индейцы называют их своими Младшими Братями.

Вблизи вигвама часто можно встретить ручного медвежонка или олененка, резвящихся на свободе, а иногда и бобрята. Индейцы любят животных и охотно приручают их. Четвероногие малыши так привыкают к жизни в индейском лагере, что не уходят в лес. Они покидают

своих хозяев, только когда становятся взрослыми. Но их место скоро занимают новые питомцы леса...

А теперь, когда вы немного познакомились с нашей страной и узнали, как живут индейцы, я расскажу вам историю, начавшуюся на одном из тех водных путей, о которых я уже говорил, где мирно и счастливо жило семейство бобров.

Я расскажу вам про одного охотника-индейца, про его сына и дочь и двух ручных бобров. Вы услышите об их приключениях в глухих лесах севера и в шумном городе; о том, как они все дружили, об их разлуке и радостной встрече, о страшных опасностях, минутах веселья и о том, что из всего этого получилось.

Итак, забудьте автомобили, радио, кино и все те вещи, без которых, как вы, наверно, думаете, нельзя жить, и перенеситесь вместе со мной в далекую волшебную страну вигвамов, собачьих упряжек, быстроходных лыж и легких челнов. Там вы увидите огромные реки и озера, дремучие леса, животных, которые умеют говорить и работать и живут в своих собственных городах. Высокие деревья будут кивать вам макушками, вы услышите нежную песнь ручейка...

Давайте же разместимся вокруг костра в дымном темно-коричневом вигваме, и я поведаю вам свою повесть о далеком прошлом.

Справочное бюро

Кто такие бледнолицые? Почему их так прозвали?

Во времена покорения Америки европейцами, начиная с XV века, именно завоевателей местные жители стали называть бледнолицыми. Сами индейцы принадлежат к американоидной расе – у них смуглая кожа, прямые темные волосы и почти черные глаза. А приплывшие из-за океана незваные гости удивляли своей белой бледной кожей, поэтому и получили такое название.

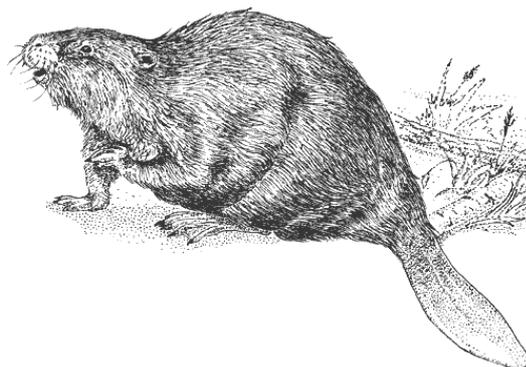
Что такое индейская резервация?

Резервация – это ограниченная территория государства, на которой проживают люди одной, коренной для этой местности, национальности. В Америке коренные жители – индейцы. В XIX веке властями США и Канады было принято решение переселить индейские племена на отделенные земли для компактного проживания, зачастую такое переселение было против воли самих коренных народов. В настоящее время подобных территорий около 300, но племен намного больше, не все имеют свою резервацию.

Кто такие мускусные крысы?

Мускусной крысой называют ондатра, хотя он гораздо крупнее своего дальнего родственника. Мускусный – значит обладающий железой, которая выделяет мускус – очень сильно пахнущее вещество, используемое в парфюмерии. Ондатр – полуводный грызун, который имеет северо-американское происхождение, но в наши дни прекрасно живет в Евразии. В России ондатр распространен от границы с Финляндией до Дальнего Востока.

Почему бобры считаются очень умными животными? Можно ли их считать особым племенем среди животных?

На северо-американском континенте живет канадский бобр – близкий родственник речного, которого можно встретить у нас. Человек очень давно обратил внимание на бобров, но не только из-за ценного меха и мяса – сложный уклад жизни этих животных, множество приспособлений, удивительные инженерные решения обустройства жилища – все это, безусловно, говорит о большой сообразительности этих животных и выделяет их из семейства грызунов как наиболее умных.

Глава 2

Гитчи Мигуон – Большое Перо

Вверх по быстрому течению широкой Березовой реки, в те дни, когда взор бледнолицего еще ни разу не скользил по ее прозрачным студеным водам, как-то на заре плыл в легком челне индеец. Это был высокий, стройный человек с умными темными глазами и черными волосами, заплетенными в две длинные косы. Он был одет в обычное индейское платье из дубленой оленьей шкуры медно-коричневого цвета, украшенное бахромой, и выглядел точно так, как выглядят те индейцы, которых вы видите на картинках или про которых читаете.

Его ярко-желтое каноэ было выкрашено соком ольхи под цвет золотистых стволов желтой березы, которая росла на соседних холмах; все щели каноэ были тщательно залиты темной сосновой смолой, чтобы не просачивалась вода. На носу у челна – огромный расписной глаз, словно у сказочной птицы, а на корме привязан лисий хвост, развевающийся на ветру. Для индейца челн – все равно как живой, и ему кажется, что он зоркий, как птица, легкий и проворный, как лиса. На дне лежали туго свернутая палатка, маленький мешок с провизией, топор, котелок и длинное старое ружье.

С верхушек берез доносился к холмам тихий шепот, шелест, который никогда не смолкал, – это ветерок набегал и играл листьями. Индейцы так и назвали эти холмы Холмами Шепчущихся Листьев. Вдоль берегов тянулся темный бор; его стройные сосны распростерли свои могучие ветви высоко над водой. Реполовы, черные дрозды, зеленушки кружились над изумрудной травой и распускающимися почками пушистой ивы в поисках пищи. Воздух был напоен сладким ароматом шиповника и вереска; **колибри**, словно ослепительные рубиновые стрелы, носились от цветка к цветку. Это был май, на языке индейцев – Месяц Цветов.

Гитчи Мигуон – Большое Перо (так звали индейца) – принадлежал к племени оджибуэй. Много дней плыл он в своем челне против быстрого течения Березовой реки и уже далеко отъехал от дома. Настойчиво день за днем продвигался он вперед – то скользил, как сейчас, по спокойной воде, то преодолевал опасные стремнины, направляя свою легкую лодку вверх по бурным, пенящимся порогам, огибая зубчатые подводные скалы с искусством, которым владеют немногие бледнолицые и далеко не все индейцы.

В это утро путь Гитчи Мигуону преградил водопад, дикий и прекрасный; он соперничал с соснами в высоте, и солнце играло радугой в пенящихся брызгах у его подножия. Пришлось причалить к берегу ниже разъяренного, жадного водоворота, который чуть было не увлек каноэ под грохочущий водопад.

Взвалив челн вверх дном на плечи, Гитчи Мигуон понес его по берегу реки. Индеец пробирался между шумящими великанами-деревьями по тенистой столетней тропе, на которую никогда не падал луч солнца. Он проделал этот путь еще один раз, чтобы перенести свою скромную поклажу, нагрузил челн и продолжал путешествие по спокойной воде, под ослепительным солнцем. Водопад остался позади.

Когда река сделала поворот, Большое Перо зорко огляделся вокруг и увидел много интересного, чего не заметил бы человек, который никогда не был охотником. Вот два настороженных пушистых уха приковали его внимание – другие звери куда-то скрылись, два горящих глаза уставились на него из темноты леса. Через мгновение в зарослях, словно тень, промелькнула **серебристая рысь**. То здесь, то там испуганная лань вскачь бросалась к лесу; оттуда доносился ее пронзительный свист, когда она бежала, подпрыгивая, будто рыжая лошадь-качалка; ее белый хвост, как флажок, развевался между деревьями. А один раз индеец **наткнулся на лося, огромного, словно конь**. Лось стоял по грудь в реке, погрузив голову в воду, – он откапывал со дна корни лилий. Занятый своим делом, он сначала не почувствовал Гитчи Мигуона, а

потом вдруг гордо вскинул могучую голову и в недоумении уставился на охотника. Вода струилась по его морде и шее. Потом лось повернулся, бросился к берегу и тут же исчез. Правда, тяжелый топот его копыт, треск ломающихся веток и подлеска доносился еще несколько минут, пока испуганное животное мчалось, прокладывая себе путь, в глубь лесной чащи.

Но ничто не радовало Гитчи Мигуона: дома, в поселке – а теперь это было так далеко, – он оставил своих двух детей – дочку и сына. У них умерла мать, и, хотя женщины-односельчанки относились к ним с участием, все равно детям очень доставало матери, и Большое Перо знал, что они теперь тоскуют в разлуке не меньше, чем он. Их маленькая семья жила очень дружно – отец обычно брал детей с собой в охотничьи странствования, чтобы не расставаться надолго. Но на этот раз ему пришлось отправиться одному, так как он знал, что на пути его ждут опасности. Большое Перо выстроил для семьи чудесную бревенчатую избушку, и там, собравшись вместе на лето, они мирно отдыхали после трудной зимней охоты. Нежданно-негаданно индеец племени кри принес им тревожную весть о том, что в их краях появилась шайка трапперов-метисов, которые массами уничтожают бобров. Настоящий индеец никогда не станет ловить пушного зверя на чужом охотничьем участке, считая это воровством, но метисы – полубелые-полуиндейцы, – испорченные городской жизнью, забыли старые индейские обычаи и были готовы ограбить любой лесной участок. А что будешь делать без пушного зверя? Как кормить семью, чем платить за хлеб торговцу?

Вот и пришлось Большому Перу отправиться на свой зимний охотничий участок, чтобы оградить его от набегов. Но он никого не встретил на своем пути и не нашел ничьих следов. А так как пора стояла теплая, весенняя, пушной зверь линял и не представлял соблазна для воров, то Гитчи Мигуон решил, что делать ему тут нечего и назавтра можно собираться домой.

С этими мыслями он спокойно плыл вдоль берега, хотя все еще искал глазами следы непрошенных гостей. Вдруг он услышал острый, пряный запах – какой-то зверь, а может быть, и человек пробирался здесь и растоптал листья мяты. Насторожившись, Гитчи Мигуон бросил быстрый взгляд на берег, и вдруг оттуда прыгнуло в реку прямо перед носом его челна маленькое темное коренастое тельце. Бултыхнулось в воду, словно камешек, и исчезло. Но через минуту показалась черная голова и коричневая, покрытая шерстью спина; зверек поплыл, быстро огибая лодку, пока не очутился в таком месте, куда ветер донес до него запах человека, очень страшный для обитателей леса. **Широкий плоский хвост** громко плеснул по воде. Как стрела, метнулось маленькое тельце в глубину, подняв целый фонтан брызг.

Большое Перо отряхнул капли воды с рукава своей кожаной рубашки и улыбнулся. Его-то он и хотел видеть. Это был бобр. И не замер еще встревоженный крик бобра, как в ответ донесся другой – громкий и пронзительный, словно ружейный выстрел. Бобров было два.

Индеец снова улыбнулся – теперь он уже больше не сомневался, что никто не охотился в этих краях. Таких бобров ничего не стоит поймать. И если этих беззаботных зверушек, которые подпускали к себе так близко, не изловили здесь, на открытом месте, значит, и остальные в целостности и сохранности. Но все же, чтобы убедиться в этом окончательно, Гитчи Мигуон решил отыскать жилище, в котором ютилась вся семья.

Бобровую хатку нетрудно найти, потому что бобры во время своих странствований сгрызают там и сям тонкие побеги ольхи, тополя и вербы, объедают с них кожицу и разбрасывают их по пути; эти ободранные прутики, белые и блестящие, всегда приводят к их жилищу. Очень скоро индеец подъехал к месту, где в реку впадал маленький ручеек; у его устья он обнаружил, как и ожидал, **остатки бобрового обеда – кучку тонких блестящих прутиков**. Не оставалось сомнений, что бобровый дом находится где-то вверх по ручью, в какой-нибудь тихой заводи, где любят селиться бобры.

Бобры пообедали на краю открытой полянки, где несколько сосен-великанов стояли врассыпную, словно они забрели сюда из лесу и не могли вернуться обратно.

Гитчи Мигуон развел костер и тоже решил здесь пообедать. Он воткнул тонкий шест одним концом в землю, наискосок над пламенем костра, а на другой его конец повесил чайник – индейцы любят пить чай во время своих скитаний. После этого на прутики с развилком он насадил кусочки оленины и укрепил их над горячими углями. А чтобы вкусный мясной сок не пропал, когда оленина жарилась, он подставлял снизу кусочки индейского хлеба – баннок.

После обеда Гитчи Мигуон спокойно покурил, прислушиваясь к напевам ветерка, игравшего среди ветвей. Так сидел он некоторое время, прислонившись к сосне, и следил, как дымок рисует причудливые узоры в воздухе. Это были его картины и его музыка – ничего другого он не знал, и удовольствие, которое он получал, было ничуть не меньше того, которое получаете вы, смотря кинокартины и слушая радио.

Отдохнув, Большое Перо перевернул свой челн вверх дном, спрятал под него снаряжение, взял дробовик и пошел вверх по берегу ручья в поисках бобрового пруда, который, как он догадывался, находился у истоков ручья.

Он продвигался легкой походкой среди тишины и спокойствия задремавшего леса; его бесшумные **мокасины** не оставляли за собой следов. А высоко в ветвях щелкали и цокали что-то белки да зимородки веселой стайкой провожали его, пересаживаясь с дерева на дерево. Иногда они залетали вперед, словно для того, чтобы лукаво взглянуть на него и присвистнуть, когда он пройдет. Гитчи Мигуон радовался этим встречам и шел не спеша.

Вдруг он остановился, прислушиваясь. Его чуткий слух уловил какой-то странный, неожиданный звук. Звук становился все громче и громче, пока не превратился в рев. И тогда Гитчи Мигуон увидел, как вниз по ручью, прямо навстречу ему, несется поток изжелта-мутной воды, увлекая за собой массу прутьев и сухой травы. Поток разливался до самых краев речного ложа, он бушевал с дикой силой. Что-то страшное случилось с бобровым прудом! Этому могло быть только одно объяснение: человек либо зверь прорвал запруду, и стремительный поток был той самой водой, которую с таким трудом берегли бобры и без которой они станут беспомощны.

Не теряя ни минуты, с ружьем в руках, Гитчи Мигуон помчался через лес, который только что казался ему таким приветливым и вдруг сделался грозным и мрачным. Охотник бежал со всех ног, чтобы спасти бобров от гибели. Он перескакивал через сваленные бурей деревья, пробирался сквозь лесную чащу, оставив далеко позади друзей – белок и зимородков, несясь с быстротой оленя через темный лес к пруду, надеясь, что поспеет вовремя. Он хорошо знал, что случилось.

Выдра, лютей враг всего Бобрового Народа, вышла на военную тропу, и бобры теперь бились не на жизнь, а на смерть.

Справочное бюро

Кто такие колибри?

Колибри – удивительный вид американских птиц, обитающих от Аляски до Южной Америки. Эти птицы обладают небольшим размером (от 5 до 20 см), еще более скромным весом – до 20 г. Многие в их жизни невероятно: они умеют летать задом наперед и зависать в воздухе, но при этом их слабые лапки не дают им возможности ходить. Ежедневно колибри принимают несколько ванн – в небольших лужицах или влаге, сохранившейся в листьях растений. До 90% их рациона составляет цветочный нектар, который они добывают с помощью очень длинного клюва.

Что за зверь серебристая рысь?

В тех местах, в канадской тайге, живет рысь, близкая родственница обыкновенной рыси, часто встречающейся в наших лесах. Но размером канадка меньше почти в два раза. Окрас ее шерсти серовато-бурый, летом рыжеющий, с белыми отметинами, которые создают впечатление припорошенности снегом.

Лоси больше лошадей?

Лось – самый крупный представитель оленевых, по сути – самый большой олень. И росту в нем – в холке более 2 м, в длину достигает 3 м. Если учесть еще и рога самца – очевидно, что лось больше и внушительнее коня.

Зачем бобрам такой необычный хвост?

Хвост служит бобру рулем, помогает удерживать равновесие. Но это не единственная функция хвоста. В зависимости от времени года хвост то распухает, то становится более плоским, потому что служит бобру «кладовой для хранения жира». Так же с помощью хвоста бобры регулируют температуру тела. Хвост обладает не очень сильной теплоизоляцией, поэтому, когда бобру жарко, он может отдавать излишки тепла через хвост. И наконец, бобры шлепают хвостами по воде или земле, предупреждая друг друга об опасности.

Чем питаются бобры? Почему?

Бобры ведут жизнь строгих вегетарианцев. Самая любимая пища – кора деревьев, таких как ива, береза, тополь и осина. Помимо коры бобры едят речную и береговую растительность: кувшинки, рогозу, тростник и многое другое.

Что такое мокасины?

Мокасины – это кожаная обувь северо-американских индейцев. До открытия Америки европейцами: мокасины использовались индейцами почти на всей территории нынешних США и Канады. Изначально использовалась кожа оленя, лося, бизона, реже бобра.

Почему выдра враг бобров?

Выдра – хищник семейства куньих, хорошая охотница и рыболов. На самом деле для бобров она опасности не представляет, наоборот – они хорошие соседи. Бывают случаи, когда выдра живет в одной из комнат хатки бобра.

Глава 3

Бобровый дом

Если бы мы поспешили вверх по ручью в то время, когда обедал Гитчи Мигуон, а не остановились посмотреть, что он делает, мы пришли бы к бобровому жилью прежде, чем выдра прорвала плотину, и увидели бы, как там все было устроено и как жили бобры. Нам пришлось бы идти довольно долго, пока вдруг мы не очутились бы на берегу маленького глубокого пруда. На противоположной стороне его мы заметили бы высокую, **толстую стену**, которая перегораживала русло ручья. Она была сделана из туго сплетенных сучьев и прутьев, щели ее были законопачены мхом, а сверху все было обмазано илом. Вдоль всей стены наверху лежали тяжелые камни, чтобы придать ей большую прочность. Почти сто футов в длину и больше четырех футов в высоту была эта стена. Пруд питался водой из ручья, которая стекала в него по желобу, сооруженному из прутьев. Такой водослив был устроен только в одном месте, и поэтому нетрудно было следить за ним, содержать его в порядке. Казалось, что здесь трудились люди, – так искусно все было сделано, а между тем эту работу проделали животные. Стена, которая представляла собой настоящую плотину, удерживала маленький пруд в его берегах. Без этой плотины не было бы пруда, здесь протекал бы только ручей.

Пруд был залит солнечным светом. И так тихо ютился он там, среди Холмов Шепчущихся Листьев, и зеркальная поверхность его была так прозрачна, что утки, дремавшие на воде, казалось, плыли в воз духе. И до того четким было отражение стройных серебристых тополей, что трудно было сказать, где кончалась вода и где начинались деревья. Совсем как в сказочной стране, голубые озера, яркие цветы и деревья, отливающие серебром. Ни шороха, ни звука. Если бы не дремавшие утки, можно было бы подумать, что там никто не живет.

Но на деле было совсем не так. Стоило только приглядеться внимательнее, стараясь не шевелиться, не разговаривать и даже не шептаться, и вы бы очень скоро заметили, как вода около берега нет-нет да вдруг подернется зыбью. Из-под воды между тростниками, прислушиваясь и нюхая воздух, осторожно выглянет темно-коричневая голова с круглыми ушами. За головой покажется покрытое шерстью тельце; у вас на виду зверек быстро, но беззвучно поплывет к противоположному берегу и исчезнет в тростниках.

Высокие тростники раскачивались бы и трепетали минутку, пока зверек работал там. Скоро он появится снова, на этот раз с большим пучком травы. Он поплывет к огромному черному земляному бугру, который мы внимательно рассматривали и не могли понять, что это такое; зверек нырнет возле него вместе с травой.

Не успеет он исчезнуть, как другая голова, тоже с пучком травы, покажется с противоположной стороны.

Кто-то неосторожно пошевелился – и в ответ огромный плоский хвост тяжело ударит по воде, и тут же с громким всплеском голова и пучок нырнут под воду.

Такую именно сценку пришлось наблюдать Большому Перу в то утро на берегу ручья. Огромная насыпь, выше роста человека, была бобровым домом, а зверьки – бобрами. Они были очень заняты.

Землянка возвышалась больше чем на шесть футов в высоту, а длиной была не меньше десяти футов. Только недавно бобры обмазали свое жилище глиной. Тяжелыми бревнами подперли они его покатые стены. Вся постройка выглядела очень прочной, словно крепость, и, если бы даже оленю вздумалось взобраться на ее крышу, все равно ничего бы не случилось.

Сбоку проходила широкая дорожка, по которой доставлялся строительный материал. И если бы вы были очень терпеливы и ветер не выдал бы вас этим чутким зверькам, то могли бы увидеть, как старый бобр, подрыв с берега ком земли, вместе с ним направился к хатке. Он

плыл медленно, стараясь не рассыпать землю по дороге. Потом встал на задние лапы, выпрямившись во весь рост, совсем как человек, взобрался на крышу, держа ком в охапке, и там опустил его.

После этого он стал замазывать землей щели и дыры, ловко работая лапами. И наконец, чтобы получше скрепить все, он воткнул большую палку.

Эта работа делалась неспроста. И сколько еще других хлопот было в это горячее время – в Месяц Цветов! Стоит ли удивляться: внутри причудливого домика, скрытые от всего света, жили четыре крошечных бобренка.

Маленькие пушистые зверьки с черными блестящими глазками были очень хороши собой. Их **задние лапы были большие, перепончатые, передние – маленькие, удивительно похожие на ручки ребенка**, а плоские хвосты казались резиновыми. У них был прекрасный аппетит и, наверно, очень хорошие легкие, потому что иначе они не могли бы заливать без умолку таким громким криком, который можно было принять за плач маленького ребенка. Как и все малыши, бобрята доставляли много забот своим родителям.

Внутри хатки была большая комната. Даже человек, свернувшись калачиком, мог бы поместиться в ней. Комната была очень чистая, пол устлан ивовой корой и подстилкой из душистых трав.

Попасть в хатку можно было только через **круглое отверстие в полу – «нырляку»**; она вела в наклонный тоннель, спускающийся к самому дну пруда. Плотина поддерживала воду в пруду почти на уровне с полом, поэтому нырляка всегда была полна водой до самых краев, и неуклюжие бобрята могли напиться из нее, не бултыхнувшись вниз. В случае же такой беды – а ее не всегда минуешь – они без труда выкарабкивались оттуда.

Весь тоннель, вместе с входным отверстием у дна пруда, находился под водой, а поэтому никто из сухопутных животных не мог не только попасть в него, но даже его увидеть. Но если бы прорвало плотину и вода ушла из пруда, бобрам грозила бы страшная беда. Не только их враги – волки, лисицы и другие хищники – смогли бы пробраться к ним в хатку, но и сами бобры не имели бы возможности ни защищаться, ни спрятаться, нырнув в воду, как мы недавно наблюдали.

Старый бобр внимательно следил за плотиной и, лишь только обнаруживал течь, сразу же начинал ее чинить. Много хлопот доставлял бобру и желоб-водослив: нужно было все время вычищать из него всякий мусор, чтобы вода текла свободно, но не слишком быстро, иначе она затопила бы хатку; уровень воды в пруду необходимо было поддерживать на одной и той же высоте.

А сколько приходилось возиться с бобрятами! Одной бобрехе ни за что бы не справиться без помощи бобра. Заботливые родители очень часто меняли травяную подстилку, приносили бобряткам корм – нежные побеги и листья, – причесывали и приглаживали их шерстку и бормотали им какие-то нежные бобровые слова, которые издали звучали, как шепот людей. Зато громкий жалобный плач бобрят, их лепет, прерываемый криками и взвизгиваниями, вырывался даже за толстые стены землянки. Очень шумными становились малыши, когда они были голодны, когда радовались чему-нибудь, или же попадали в какую-либо беду, что постоянно с ними случалось. Когда кто-нибудь из родителей возвращался домой (они никогда не отлучались вместе) после работы на плотине или с охапкой душистой травы для подстилки – была ли то мать или отец, – всегда раздавалось тихое певучее приветствие, в ответ на которое **бобрята громко визжали и кричали от радости**, и этот неистовый шум продолжался гораздо дольше, чем требовало благоразумие. Только во время сна бобрята притихали.

Весь день-деньской бобрята возились друг с другом, царапались, ползали всюду, и, наверно, им было очень весело. Вообще же это бобровое семейство ничем не отличалось от остальных семей. Им было хорошо и уютно у себя дома.

Теперь малыши уже подросли настолько, что могли попытать свои силы в нырялке. Сначала они просто лежали на воде, случалось – и вверх ногами, или же барахтались там, визжа от радости. Они были очень легкими и пушистыми, совсем воздушными, поэтому им никак не удавалось погрузиться в воду достаточно глубоко, чтобы можно было грести одновременно двумя перепончатыми лапками. Вот и приходилось подгребать то одной, то другой лапкой, переваливаясь с боку на бок, захлебываясь, извиваясь, барахтаясь. А старые бобры озабоченно плавали вокруг, подбадривая их и, вероятно, давая советы на своем звучном бобровом говоре. Наблюдая эти сценки, я пришел к заключению, что задача научить малышей плавать была нелегкой для бобров-родителей, но бобрята, казалось, получали большое удовольствие, барахтаясь в воде, а с этим, как вы сами понимаете, надо считаться.

Однако малыши быстро утомлялись. Тогда они вылезали из воды и отдыхали в «сушилке». Сушилка была устроена немного ниже уровня пола – вероятно, для того, чтобы вода, струившаяся с шерсти зверьков, не замочила их зеленых постелей. Каждый бобренок очень тщательно выжимал, стряхивал, вытирал воду со своей шерстки спереди, сбоку, сзади – всюду, куда только мог дотянуться; бобрята сидели выпрямившись и работали очень усердно, сопя и вздыхая, точно дети после купания.

Наконец, когда работа была закончена и шерсть у них высыхала или же им казалось, что она высохла, они переворачивались вверх ногами, портя этим все дело, и раздавался целый хор пронзительных криков. Тогда появлялись свежие зеленые листочки и водоросли, которые бобры приготавливали заранее для того, чтобы скорее успокоить малышей, и крики нетерпения переходили в довольное чавканье и бормотание.

Скоро все затихало, маленькие глазки закрывались, и бобрята, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, засыпали на постелях из душистой травы.

И так день проходил за днем в бобровом доме. **Когда бобрятам исполнится двадцать дней, в их жизни наступит необыкновенный праздник.** Нырнув в темный тоннель, малыши вдруг очутятся в неведомом ослепительном мире, который окружал их со всех сторон, но которого они никогда не видали. А пока бобрята спали, родители по очереди оставались возле них, по очереди осматривали плотину, от которой зависела их жизнь, следили, не подкрадывается ли хищник к их маленькому замку. Нужно было заготовить и корм и подстилку. Бобры хорошо знали: как только проснутся малыши, снова придется делать сто дел сразу. Месяц Цветов – очень хлопотливое время.

Наши четыре маленьких героя или героини, а может быть, и те и другие, дожили наконец до той чудесной поры, когда научились нырять по-настоящему и уже не выскакивали из воды хвостом вверх, словно резиновый мяч, а могли проплывать довольно большое расстояние, не взывая о помощи. Как вдруг как-то днем – это было в тот самый день и час, когда Гитчи Мигуон обедал в лесу, – старый бобр заметил, что вода в нырялке стала убывать. Он насторожился. Бобреха тоже услышала бульканье и пришла посмотреть, в чем дело. Вода, кружась воронкой, опускалась в тоннель все ниже и ниже. Потом воды не стало.

Кто-то сломал плотину!

Бобры друг за другом бросились вниз через пустую нырялку. Нельзя было терять время. У них не будет воды – драгоценной воды, от которой зависит жизнь детенышей! Их дом теперь открыт для всех на свете, а это грозит смертью.

Четыре бобренка ужасно испугались. Они почувствовали, что случилась беда, но были еще слишком малы, чтобы понять, в чем дело. Бобрята подползли друг к другу и тихо похныкивали.

Встревоженные родители кинулись вплавь по обмелевшему пруду – прямо к плотине. В самом низу стены они обнаружили отверстие величиной с бочку – скоро в пруду совсем не останется воды!

Бобры тотчас принялись за работу. Они таскали сучья откуда попало, выдирали большие комья земли с болотистого берега, отгрызали острыми зубами ветки с упавших деревьев, катали камни и все это бросали прямо в дыру, а потом затыкали отверстия травой и ветками кустарника. Они рыли глину и таскали ее к дыре в плотине; глина, пропитавшись водой, становилась вязкой и хорошо замазывала щели между сучьями, ветками и камнями. Но пруд был слишком мал для такой большой течи, и родниковая вода, которая питала пруд, собиралась гораздо медленнее, чем вытекала из него.

И вот теперь, когда плотина снова была в порядке, в пруду совсем не осталось воды!

Пока бобры трудились, отчаяние не раз охватывало их (не верьте тому, кто будет уверять вас, что животные не способны чувствовать отчаяние!), но они все-таки продолжали работать до тех пор, пока не починили плотину; только тогда, усталые и измученные, бобры побрели к своим четырем детенышам, которых они так любили, и к дому, который уже не был больше защитой для них. А как они трудились, чтобы построить его, и как нужен он был для семьи!

Бобры не умеют быстро ходить. Они легко переплыли бы пруд, но пробираться по скользкому илистому дну через камни и заросли спутанных водорослей было тяжело. Сколько драгоценного времени уйдет, пока они добредут, карабкаясь и спотыкаясь, до своей хатки, которая теперь казалась так далеко! Любой зверь может их настигнуть. А если повстречается волк или медведь, все погибло. Бобры были беззащитны теперь, потому что природа создала их не для борьбы, а только для мирного труда.

Спеши! Спеши, Гитчи Мигуон! Беги со всех ног! Твоя помощь очень нужна маленьким братьям, нужна немедленно! Скоро, с минуты на минуту, охотник будет здесь...

По вязкому дну пруда на усталых коротких ножках медленно и мучительно плелись два несчастных бобра; они спешили как могли к своим детенышам, которые теперь остались в незащищенной хатке.

А там четыре бобренка, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, с ужасом смотрели на блестящее черное чудовище с плоской головой. Оно подползло к ним медленно, оскалив зубы, **шипя, как змея**. Нигик – выдра!

Голодная, злая, хитрая, она сломала плотину, осушила пруд, и теперь добыча была перед ней – четыре маленьких бобренка.

Ее длинное тело загородило вход. Казалось, спасения нет. Выдра подобрала под себя лапы, готовясь к прыжку...

Как раз в эту минуту Гитчи Мигуон, задыхаясь от быстрого бега, с ружьем наготове, выскочил из тростников и, перескакивая с камня на камень, бросился к бобровой хатке.

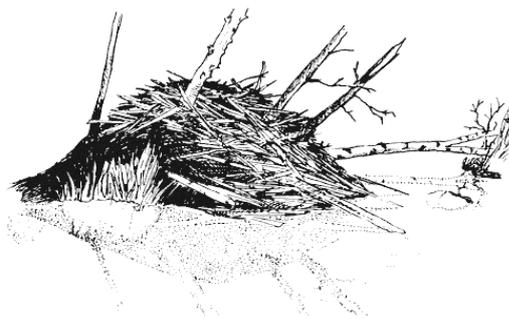
Справочное бюро

Что это за стена? Как бобры ее строят?

Такая стена называется бобровой плотиной. Ее постройка позволяет бобрам обезопасить свое жилище и облегчить добычу еды. Материалами для устройства плотины служат дерево, сучья, трава, ил, камни. Бобры подгрызают деревья, которые падают и преграждают путь воды в водоеме, образуется запруда.

Что такое землянка у бобров?

У бобров существует три вида жилища: нора (если позволяет грунт, что бывает крайне редко), хатка (о ней мы уже рассказывали) и полухатка. Именно последний вид отчасти напоминает землянку. Из-за изменения уровня воды хатку может подтапливать, и, чтобы не строить новое жилище, бобры собирают передними лапами глину с потолка и укрепляют стены, а также поднимают пол старой квартиры.

Хатка бобра

Почему у бобров такие лапы?

Они отлично приспособлены для полуводной жизни: задние значительно сильнее передних, между пальцами – плавательные перепонки. Коготь второго пальца задних конечностей раздвоен – им бобр расчесывает мех.

Что это за отверстие? Зачем оно?

Внутри хатки есть лазы в воду и платформа, возвышающаяся над уровнем воды. Зимой в хатках сохраняется положительная температура, вода в лазах не замерзает, и бобры могут выходить в подледную толщу водоема.

Сколько бобрят рождается у бобров? Почему они кричат и визжат?

В семье бобров рождается от 3 до 6 бобрят. Малыши появляются небольшими, весом до 500 г. В общении друг с другом бобры используют не много звуков. Долгое время их вообще считали безголосыми. Однако многолетние наблюдения выявили у взрослых особей трубные низкочастотные звуки, издаваемые в моменты опасности. У детенышей звуки тоньше, жалобнее, похожи на плач. Ими озябшие бобрята призывают свою мать.

Почему на 20-й день у бобрят праздник?

Через 3–4 недели после рождения бобрята ощутимо крепнут и переходят на взрослую пищу – молодые побеги растений. Хотя еще какое-то время мать подкармливает их молоком.

Их навыки плавания улучшаются, и они увереннее чувствуют себя в воде. Но из-за низкого веса еще не умеют хорошо нырять, поэтому часто устраивают забавную возню в воде.

Это правда? А плавают быстро?

Да, на суше бобры очень неуклюжи и не могут быстро передвигаться. В воде же они могут развивать скорость до 10 км/ч.

Почему выдры шипят?

Выдра способна издавать различные звуки. Говоря о том, какие звуки издает выдра, можно утверждать, что животное верещит, стрекочет, свистит и шипит.

Глава 4

Первое приключение

Выдра прыгнула. Жадная, она хотела схватить всех маленьких бобряток зараз! Но те отскочили, как четыре пружинки, в разные стороны. Не рассчитав прыжка, она упустила их всех, а сама со всего размаху налетела на стену. На минуту хищника оглушил удар. И это спасло бобряток. Они бросились к выходу, теперь свободному.

Разъяренная своей неудачей, выдра пустилась было вдогонку, но выход в конце тоннеля был загорожен. Кем? Она еще не знала.

Не прошло и минуты, как началась жестокая схватка между выдрой и двумя бобрами. Они подоспели как раз вовремя. **Бобры, такие добрые и игривые от природы, теперь бились не на жизнь, а на смерть ради спасения своих детенышей.** Выдра была более ловкой и более свирепой, чем они; уж если она вцепится зубами, словно бульдог, то не выпустит своей жертвы; но у бобров шкурка толстая, ее нелегко прокусить, а их острые, похожие на резец зубы, которые до сих пор никого не кусали и только подтачивали стволы деревьев, с отчаяния впивались в тело хищника. Бобры упирались лапками и все сильнее и сильнее кусались.

Выдра билась жестоко – она была не из трусливых – и все норовила стиснуть своими крепкими челюстями морду бобра, чтобы хоть один из них перестал кусаться. Но пришлось ей спасать свою собственную голову.

Она вертелась и извивалась, как огромная мохнатая ящерица, забрасывая то влево, то вправо свою змеиную голову, шипя, щелкая зубами, рыча. Бобры же не издали ни звука, пока она таскала их с места на место, и только снова и снова впивались в нее зубами. Перед ними был враг – самый страшный из всех врагов, – его надо было прикончить во что бы то ни стало. Раз и навсегда надо положить конец его злодействам.

И снова враги набрасывались друг на друга, боролись, кувыркались, пока не выкатились вниз по тоннелю, извиваясь бесформенной массой ног, хвостов, сверкающих зубов, прямо к ногам Гитчи Мигуона – он только что сделал последний длинный прыжок с камня на камень и очутился перед бобровым домом.

Встреча с новым врагом обескуражила выдру. Метнувшись что было силы, она вырвалась на свободу и одним прыжком отскочила далеко в сторону, так что бобрам уже было не догнать ее.

Не обращая внимания на индейца, бобры побрели за убежавшим хищником, увязая в иле; а для выдры, наоборот, это была прекрасная дорога. В один миг она проскользнула футов на двадцать вперед. Два-три прыжка – и снова скользила, и так до тех пор, пока не очутилась у плотины. Махнула через нее – и поминай как звали!

Никогда больше не станет она нападать на Бобровый Народ!

Большое Перо стоял поблизости на камне и видел, как убегала выдра. Он направил было на нее дуло своего ружья, но потом решил, что злодейка и так достаточно наказана, и не стал стрелять: ведь бобрам она больше не причинит вреда.

Как бы то ни было, но теперь уже все наладилось: вода начала снова собираться в пруду – ее удерживала плотина, которую, как вы, наверно, помните, починили бобры; пруд становился все глубже. Охотнику нужно было поспешить обратно к берегу, пока не залило камни.

Индейца немного беспокоила судьба маленьких бобряток. Он видел, как они убежали из хатки, но вернулись ли малыши, этого он не знал. Поэтому, выбрав место, откуда его не было видно и нельзя было почуять, он присел на берегу и стал следить за тем, что происходило около бобрового домика.

Скоро он увидел, как бобриха стала собирать малышей. Двое бобрят появились из укромного уголка, где они притаились, спасаясь от страшного врага. Мать по очереди провожала их домой: бобрята становились на широкий плоский хвост бобрихи, придерживаясь лапками за ее шерсть, чтобы не упасть, и так, словно на салазках, подъезжали ко входу в хатку. И, пока малыши ехали, они смотрели по сторонам, разглядывали все кругом и, по-видимому, были очень довольны.

Мне кажется, что Большое Перо получил не меньшее удовольствие, чем они, – он тихонько посмеивался, любуясь этой забавной сценкой. Потом он задумался. Присматриваясь ко всему, что происходило, он вдруг почувствовал, что очень жестоко убивать этих зверьков, которые так самоотверженно трудятся, чтобы защитить своих детенышей и свой скромный дом, и которые так любят друг друга, – это было, казалось ему, равносильно убийству маленьких людей. Никогда еще он не видел того, что довелось ему увидеть сегодня. Теперь только понял он, почему старики индейцы часто **называют бобров Говорящими Братьями и Бобровым Народом.**

Большое Перо решил переночевать у пруда, хотя не захватил с собой ни одеяла, ни еды: он боялся, что вернется злодейка-выдра или же появится другая, потому что эти хищники часто рыскают парами.

Но никто не нарушил покоя бобрового пруда. На рассвете, когда Гитчи Мигуон покидал это место, пруд уже наполнился водой до краев, потайной вход был закрыт, и все, казалось, было в полном порядке, словно ничего и не случилось.

Вот и все, что узнал Большое Перо. Но индеец не знал, что двое бобрят, напуганные до полусмерти, выкарабкались из хатки, побрели по длинному потайному ходу под заболоченной землей (бобры часто выкапывают такие ходы для разных целей) и, пройдя его до конца, очутились около плотины. Вряд ли они знали, куда бредут, да, верно, и не думали об этом – им только нужно было уйти подальше от злого чудовища. Никто не заметил, как они перебрались на противоположную сторону плотины и продолжали свой путь по осушенному руслу ручья.

Зловещее шипение выдры все время преследовало их по пятам, словно в страшном сне. И так отчетливо оно вдруг стало слышно и так близко, что зверьки в ужасе забились в маленькую пещерку на берегу. Это произошло как раз вовремя: не успели они укрыться, как выдра – настоящая, страшная выдра – прошмыгнула мимо них. К счастью, бобрята, как и многие другие молодые зверьки, **не распространяют никакого запаха**; даже лиса, несмотря на свой чуткий нос, могла бы найти их только случайно. Вот и выдра не узнала, где они спрятались. Она мчалась без оглядки все дальше и дальше от пруда.

А скованные ужасом бобрята прижались друг к другу в своем убежище, не смея двинуться вперед и боясь вернуться.

Они стали поджидать свою мать – не придет ли она к ним на помощь?

Но отсутствие запаха, которое только что принесло им спасение, теперь оказалось для них бедой. Старые бобры обнюхали все кругом, но не смогли обнаружить никаких следов и так и не узнали, что бобрята перебрались через плотину. А испуганные зверьки не догадались, как недалеко они находились от пруда. Вот и сидели они, словно два заблудившихся ребенка, забившись в свою пещерку, обездоленные, понурые, и все прислушивались, не донесется ли к ним любимый ласковый голос. Малыши все ждали и ждали свою большую маму, такую заботливую и добрую, – она всегда утешала их в их маленьких бедах, согревала своим коричневым пушистым телом и так старательно причесывала и прихорашивала каждый день. Ну, конечно же, она или отец – это он играл с ними так хорошо, учил плавать и всегда приносил им душистую траву для постелей и веточки с нежными листьями на обед, – кто-нибудь из них да придет. Теперь у бобрят не было ни душистой подстилки, ни лакомых листочков – ничего, кроме твердых камней и жесткого песка, а ни мать, ни отец не шли за ними. Напрасно прождали бобрята всю долгую ночь, дрожа от холода, голода и страха.

Один раз какой-то длинный темный зверь, похожий на ласку, но гораздо крупнее ласки, заглянул к ним; но они сидели тихо, как две мышки, и почти перестали дышать. Он громко засопел у самого входа в пещерку и побежал дальше. Это была **норка**... Она увидела, что они вдвоем, и побоялась напасть на них.

Не скоро набрались зверьки храбрости, чтобы выглянуть на минутку, но сейчас же спрятались обратно – нужно было спастись от огромного серого чудовища, которое спускалось на них сверху. Круглые желтые глаза засверкали близко-близко... Но вот чудовище взмыло вверх и уселось на ветку. И смотрело оттуда, смотрело на них, щелкало клювом, громко, протяжно кричало и очень страшно смеялось. Вопахо – **Лесная Сова-Хохотунья** – подкарауливала их, хотела сделать бобрят своей добычей. Она терпеливо ждала, и каждый раз, когда малыши выглядывали из пещерки, страшные желтые глаза все еще глядели на них.

На рассвете сова исчезла. Вода уже струилась через плотину, и ручеек снова зажурчал. Бобрята спустились к нему и поплыли в поисках своего дома. Если бы они только знали, как близко была их хатка! Но в маленьких головках все перепуталось, и они окончательно заблудились. Не в силах бороться с течением, они отдались воле воды и спускались все ниже и ниже по ручью, все дальше и дальше от дома, от родителей, от сестренки, с которыми так хорошо играли и возились всю свою коротенькую жизнь.

Так они плыли, слабые, голодные, не умея найти себе корм. И все-таки теперь они чувствовали себя как-то безопаснее, потому что были в воде, и продолжали свое бесцельное путешествие, которое не могло привести к добру. Ручеек становился все спокойнее и спокойнее, и зверьки незаметно очутились в ленивых водах Березовой реки.

Лань, которая паслась на отмели, подняла голову и увидела их. Она насторожила уши и долго следила за ними своими добрыми глазами. Дальше на пути повстречалась ондатра – мускусная крыса; она поздоровалась с ними, громко пискнув, и прошмыгнула мимо. Птицы глядели на них с верхушек деревьев и что-то щебетали им. А солнце грело так ласково, и мир был так прекрасен! И они продолжали плыть все дальше и дальше, неизвестно куда. Так бы они и плыли в забытьи от голода и слабости, пока не заснули бы, чтобы никогда больше не проснуться.

В тот самый момент, когда бобрята очутились на зеркальной поверхности Березовой реки, их заметил Гитчи Мигуон.

Он сидел на берегу ручья в том самом месте, где недавно обедал. Спустив осторожно на воду свой челн, он тихонько поплыл к ним. Бобрята услышали шум, приоткрыли глазки и увидели его. Но почему-то они не испугались даже тогда, когда он поднял их за крошечные черные хвостики, чтобы опустить в лодку. Наверно, им все уже было безразлично. А может быть, большой настороженный глаз, нарисованный на носу лодки, не выглядел уж так сердито, как задумал художник; или, скорей всего, они чувствовали, что индеец не обидит их: зверьки, даже самые маленькие, узнают своих настоящих друзей.

Большое Перо, сложив ладони вместе, осторожно держал бобрят – зверьки были такие маленькие и жалкие. Их крошечные передние лапки сжались в кулачки, словно они приготовились к бою, но круглые головки отяжелели и поникли, глазки смыкались. Индеец знал, что они умирают, и ему стало их жаль. Охотники часто бывают добрыми людьми.

Большое Перо решил во что бы то ни стало спасти бобрят. Он жил охотой, и ему часто приходилось убивать бобров ради их ценной шкурки. А вот теперь он имеет возможность сделать доброе дело для бобров – спасти этих заблудившихся малышей, которых унесло течение и которые очутились у него в руках.

Причалив к берегу, он достал **чашку с молоком, разбавил его водой и стал вливать зверькам в рот**. Маленькие пушистые тельца распростерлись на огрубелых ладонях индейца, и он почувствовал, какие они легкие и как слабо бьются их сердечки. Пока шло кормление, бобрята ухватились своими лапками, словно крошечными ручками, за сильные пальцы индейца.

Большое Перо совсем растрогался, но как дальше поступить со зверьками, он еще не знал. Ему следовало бы спешить домой – он обещал своим детям, Саджо и Шепиэну, вернуться в определенный день, и, чтобы не огорчать их, ему нужно было сдержать свое слово. Если отнести бобрят к пруду, вряд ли они найдут дорогу к хатке – ведь надо весь пруд переплыть; оставить их тут на месте – еще хуже: они наверняка умрут с голоду либо погибнут в когтях орла, ястреба; даже голодная рыба опасна для них. Большое Перо подумал, не взять ли бобрят с собой, хотя понимал, что в далеком пути возни будет очень много. Но как можно покинуть этих малышей в беде? Это было бы жестоко. У старых индейцев очень строгие правила в таких случаях.

Бобриха-мать, наверно, считала своих детенышей очень красивыми, но индейцу они казались уродливыми: у бобрят были длинные задние ноги и коротенькие передние, шарообразные тельца и курносые носики. Они напоминали сказочных Бакваджис – индейских волшебниц.

Большое Перо в конце концов решил, что их уродство – небольшая беда, зато они очень забавны и будет интересно их приручить. Приближался день рождения его дочери Саджо – ей исполнится одиннадцать лет. Бобрята с курносими носиками, наверно, очень понравятся девочке. Это будет забавный подарок для нее! А когда они вырастут и их уже будет неудобно держать дома, тогда бобрят снова отвезут в родные места.

Бобрятам понравилось молоко, и они стали просить еще. Если бы вы слышали их жалобные голоса! Они еще сильнее растрогали Гитчи Мигуона. «Как можно было покинуть малышей, которые плачут совсем как дети», – подумал он и снова принялся хлопотать и поить их молоком.

Потом он подошел к березе, которая росла среди сосен, срезал с нее большой кусок коры и стал мастерить корзинку для бобрят. Он обвязал ее **кедровым лыком**, чтобы сохранить форму. Вслед за этим сделал плотно прилегающую крышку и проделал в ней дырочки, чтобы воздух проходил свободно. Еще он сплел ручку из коры кедра. Когда корзинка была готова, он выстлал ее дно травой и положил сверху сочные листики и молодые побеги тех растений, которыми питаются бобры.

Когда Большое Перо поднял своих питомцев за плоские хвостики, чтобы положить в корзинку, они почувствовали запах душистой подстилки – совсем как дома – и нашли нежные почки и листики, которыми так хотелось полакомиться; они слушали добрый, успокаивающий голос своего нового друга – он так хорошо напоил их молоком! – и от всего этого им сразу стало лучше.

Казалось, теперь они забыли и страшное шипение выдры, и сову с ее круглыми желтыми глазами и злым хлопающим клювом. Как жутко она смеялась над ними в ту темную ночь! И вот они подползли друг к другу, что-то бормоча и урча про себя, – уже давно они этого не делали, – и ели, ели, пока не наелись досыта.

А Большое Перо, делая быстрые взмахи веслом, гнал каное домой, к своим любимым детям. Он очень радовался подарку, который вез им. Он не сомневался, что и сынишка, хотя тот был тремя годами старше сестры, вместе с ней будет забавляться зверьками. И он был рад, что помог этим маленьким страдальцам.

Беседуя со своим каное или с ружьем, быть может, с бобрятами или просто сам с собой, он говорил:

– Минотакия! (Хорошо!) Кэгет минотакия! (Очень хорошо!)

Маленькие искатели приключений тоже, наверно, были всем довольны, так как они совсем притихли. И в самом деле: им было хорошо в их гнездышке. Сквозь оконца берестяного домика к ним доносилась звонкая песня дроздов, веселое журчание воды и убаюкивающий гомон лесных насекомых. Только время от времени, видно вспомнив своих близких и родную землянку, они жалобно похныкивали и теснее прижимались друг к дружке. И тогда тоска

затихала, усталые головки склонялись, а круглые черные глазки отказывались смотреть... Все звуки словно замирали вокруг, и все горести куда-то исчезали. Бобрята спали.

Вот как получилось, что два маленьких заблудившихся бобренка, таких маленьких, что они легко поместились бы вдвоем в поллитровом горшочке, ехали теперь к новому дому и к новым друзьям; они видели много удивительных вещей, о которых даже самые умные бобры ничего не слышали, и пережили приключения, которых не переживал никто из бобров, я в этом вполне уверен.

Большое Перо был прав, когда говорил «минотакя». Это было на самом деле чудесно!

Справочное бюро

Бобры добрые и игривые?

К животным нельзя применять качества человека, они не могут быть добрыми или злыми. Хотя образ жизни бобров не предусматривает какого-либо агрессивного поведения. Для защиты от хищников они окружают себя запрудой, чтобы враг не смог подобраться к жилищу.

На что готовы родители ради детенышей?

В момент опасности, угрожающей потомству, большинство теплокровных животных отчаянно борется за жизнь детенышей, так велит инстинкт – врожденная способность совершать правильные действия. Правда, необходимо отметить, что описанная ситуация маловероятна, так как выдры не являются врагами бобров. Их рацион – это рыба, ракообразные.

Почему индейцы так относятся к бобрам?

Индейцы были очень внимательны к окружающему их миру природы. Известно, что, даже охотясь, они просили прощения у духов убитых животных и никогда не добывали во время охоты больше, чем необходимо для пропитания. Многовековые наблюдения за бобрами пробудили в индейцах уважение к бобрам, их трудолюбию, недаром бобр – герой множества сказок и легенд. А у некоторых племен Великий бобр являлся божеством, которому поклонялись.

У молодых бобров совсем нет запаха?

Детеныши, безусловно, имеют запах, но не такой сильный и специфический, как взрослая особь.

У бобрят мускусные железы – источник устойчивого запаха бобра развиты еще слабо. К трем годам железы начинают работать в полном объеме. К сожалению, именно мускусные железы часто являются причиной охоты, так как их используют в медицине.

Кто такая норка?

Американская норка – хищник семейства куньих. От европейского вида отличается более крупными размерами (длина тела – до 50 см, вес – до 2 кг, длина хвоста – до 25 см). мех норки считается очень ценным и широко используется при производстве шуб и других меховых изделий.

Кто такая сова-хохотунья?

Совы – очень загадочные птицы, их голоса заставляют трепетать не только лесных обитателей, но и людей, особенно ночью... Но иногда зловещие звуки этих птиц напоминают возгласы, ворчание, а порой и смех.

Какая лань обитает на землях индейцев?

В Северной Америке было два вида оленя, обитавших в большом количестве на территории Канады и США и обладавших некрупными размерами. Это обычный, или виргинский, олень (белохвостый), весом до 150 кг, и чернохвостый олень (или «ослиный»), весом до 200 кг.

Маленькие бобры питаются молоком? Зачем молоко потребовалось разводить?

Бобры – млекопитающие животные и около месяца после рождения очень привязаны к матери, питаясь ее молоком, которое им заменяет всю пищу. Повзрослев, они переходят на взрослую еду – побеги растений. Когда детенышей выкармливают люди, приходится использовать доступное молоко, которое отличается от материнского по своему составу и жирности, поэтому его разбавляют. Кстати, сами индейцы молоко не пили, оно было привнесено в их рацион европейцами.

Что за дерево кедр? Что такое лыко?

Кедр – это вечнозеленое хвойное дерево, произрастающее в Евразии. В Канаде можно встретить канадский красный кедр и канадский белый кедр. Вероятно, здесь речь идет о красном кедре. Это большое дерево, высотой до 75 м и до 2,4 м в диаметре. Лыко – это часть древесины молодого дерева, так называемый луб (подкорье). Это то, что отделяет кору и заболонь (живую часть ствола). Из лыка делают веревку, рогожи, лапти и даже посуду.

Глава 5

День рождения Саджо

Почти неделю спустя после описанных событий Саджо и Шепиэн хлопотали по хозяйству, готовясь к встрече с отцом. Они жили недалеко от поселка Обисоуэй. Этот поселок лежал в Долине Лепечущих Вод, вблизи небольшого водопада, чье тихое, убаюкивающее журчание напоминало индейцам лепет сонных голосов. Отсюда и пошло такое название.

Около озера на зеленом пригорке стояла бревенчатая избушка Большого Пера. Лес подступал прямо к ней. Но участок вблизи домика был старательно расчищен от бурелома и молодняка, сквозь ряды стройных деревьев открывался чудесный вид на озеро.

Это было огромное озеро. Его холмистые, заросшие лесом берега убежали в голубую даль, словно волны необъятного изумрудного океана. Узкая тропинка вилась от избушки вниз по склону холма, к роще высоких, стройных тополей, стоявших у самой воды. Там Гитчи Мигуон любил коротать с детьми часы своего досуга в жаркие летние дни.

Хижина охотника была невелика, но снаружи выглядела очень живописно: она была срублена из золотистых сосновых бревен, а все щели были тщательно законопачены **желто-вато-зеленым мхом**. И хотя внутри находилась лишь одна-единственная комната, в ней было уютно. Пол из гладко отесанных, крепко сколоченных бревен отличался ослепительной чистотой, потому что его усердно скребли и мыли, и ни один пол не мог состязаться с ним в чистоте. На трех скамьях-кроватях, поставленных в ряд вдоль стены, красовались аккуратно сложенные **индейские одеяла**, привезенные с Гудзонова залива. Они радовали глаз своими яркими красками. Некоторые из них были красные, другие белые или зеленые; на всех цветных одеялах по краям шли белые широкие полосы. Три одностворчатых оконца сверкали на солнце; на стеклах не было ни одного пятнышка, и они блестели, по выражению Шепиэна, как внутренняя сторона ружейного дула, – таково было его понятие о чистоте. В таком состоянии он поддерживал обычно и свое ружье. А сегодня он особенно усердно смазывал и начищал его внутри и снаружи, пока ружье не заблестело весело в своем углу, напротив входной двери, так что не заметить его было бы невозможно. Мальчик выменял это ружье у скупщика Американской меховой компании на четыре **дорогие норковые шкурки** и хранил его, как бесценное сокровище; других собственных вещей у него было немного, смею вас в этом уверить.

Саджо насушила тростниковых стеблей, нарезала их ровными кусочками и выкрасила в голубой, алый и желтый цвета. Потом она стала нанизывать их на длинные нити, искусно подбирая в затейливый узор. И когда она повесила эти разноцветные нити тростниковых бус густыми рядами, по бокам окошек, ей казалось, что они выглядят как настоящие занавески. Девочка долго не могла налюбоваться на свою работу.

Потом она начала хлопотать около стола. Расставила жестяные тарелки, положила ножи и вилки, как им полагается лежать. Скоро появился на середине стола большой каравай индейского хлеба баннок, только что испеченный и еще теплый. И хотя до Рождества было далеко, Саджо украсила хлеб настоящей, только совсем маленькой елочкой. Девочка чувствовала себя по-праздничному, и ей очень хотелось, чтобы стол и все вещи в комнате выглядели нарядными.

Маленькая железная печурка была начищена так старательно, что выглядела совсем новой. У этой печурки не было ни духовки, ни ножек. Пришлось подложить два больших плоских камня, что оказалось весьма удобным приспособлением для печения хлеба. А делалось это так. Сначала тесто ставилось на плиту, а потом, когда оно подходило, – под плиту, между двумя нагретыми камнями; там оно пеклось и даже подрумянивалось от огня в печке, который горел сверху. Иначе хлеб пришлось бы переворачивать на сковороде, когда он был наполовину

испеченным, и не было бы полной уверенности в успехе. А Саджо, поверьте, прекрасно пекла хлеб; она не раз угощала им меня.

И Шепиэн тоже не сидел сложа руки. Он разостлал посреди пола новую оленью шкуру, недавно растянутую и высушенную, принес охапку дров и положил их возле печки, на которой тушились в огромном горшке лакомые куски оленины – его охотничья добыча. Шепиэн подстрелил оленя из своего ружья, которое красовалось теперь в углу комнаты.

Меднокожий, черноглазый, как и все индейцы племени оджибуэй, Шепиэн казался не по летам серьезным мальчиком и ростом был выше своих сверстников.

Закончив хлопоты по хозяйству, он сел в ожидании отца. Мальчик был уверен, что отец непременно вернется к их семейному празднику, как обещал; он всегда держал свое слово, если только в лесу с ним не случилось чего-нибудь неожиданного. А Саджо? Она продолжала сушиться и бегать взад и вперед по комнате, и вслед взлетали две черные косички, а карие глаза ее блестели от возбуждения. То она хлопотала у плиты, то расставляла у стола чурбаны, заменявшие им стулья, то поправляла свои тростниковые занавеси.

Шепиэн смотрел в окно. Перед его взором открывалась широкая даль озера. Он не отрывал глаз от воды и напряженно ждал, что вот-вот появится каноэ отца. Но мальчик не хотел выдать свое волнение, поэтому и сел в стороне у дальнего окна – ведь уже целый месяц, как он оставался в доме старшим; хотя ему исполнилось всего **четырнадцать лет**, он должен был вести себя, как подобает мужчине.

Саджо распевала песенку и, казалось, не ходила, а летала по комнате, едва касаясь пола своими расшитыми бисером мокасинами, – так и мелькало ее яркое клетчатое платье. Девочка чувствовала себя по-праздничному: этот чудесный день был не только днем приезда ее горячо любимого отца, но и днем ее рождения.

Только подарков она не ждала. С тех пор как могила ее матери заросла дикими цветами, некому было баловать девочку. Правда, отец смастерил как-то две деревянные куклы и подарил их ей ко дню рождения. Но на этот раз ему не до игрушек – он вернется из далекого пути.

Саджо достала своих любимиц – одну из них звали Чилеви, а другую Чикени – и усадила их на край скамьи. На куклах тоже были веселые клетчатые платьица, как и у Саджо, но вид у них был какой-то печальный – краска сошла с их лиц, наверно, во время купания. Надо было помочь беде. Девочка побежала за кисточкой и быстро навела алый румянец на побледневшие щеки своих безмолвных подруг, пестрой шалью повязала их деревянные головки. И все-таки они выглядели очень странно – у них не было ни пальцев, ни носа, ни рта; но, видно, они об этом даже не догадывались... «Что делать? Придется любить их и такими, ведь других игрушек нет», – подумала Саджо.

Но мыто – вы и я, – мы знаем секрет, который был тайной для девочки, когда она весело хлопотала, – она ничего не знала о том замечательном сюрпризе, который ожидал ее.

Шепиэн по-прежнему сидел очень тихо в глубине комнаты и не сводил глаз с озера. Он все ждал, когда же сестренка утомится и будет вести себя более степенно. «Однако два таких больших события, как возвращение отца и день рождения, могут вывести из равновесия любую женщину», – подумал он. И вдруг его собственное **сердце стало биться все быстрее и быстрее** – он с трудом сдержал себя, чтобы не броситься к окну. Далеко-далеко на озере показалась движущаяся точка.

– Сестра, – сказал он, как всегда ровным, спокойным голосом, – наш отец возвращается.

– Где? Где? – воскликнула Саджо и, не дожидаясь ответа, схватила свою шаль, стремглав бросилась к двери и растерянно стала глядеть во все стороны. – Где? Покажи скорее, Шепиэн!

Шепиэн указал рукой в том направлении, где он заметил точку на воде:

– Вон там, сестра, видишь – крошечное пятнышко?

– О-о-о!.. – разочарованно протянула Саджо.

И в самом деле, мало ли чем могло быть это пятнышко!

– А вдруг это **плывет медведь или олень**, – сказала девочка, надеясь все же, что брат будет настаивать на своем.

Однако ему не пришлось доказывать.

Издали послышался звук, слабый, отрывистый, – то был выстрел из ружья. А вслед за ним другой. Дети продолжали слушать. Последовала пауза, во время которой можно было сосчитать до трех. Потом раздался еще один выстрел.

– Это он! Это он! – закричала Саджо.

– Да, это сигнал нашего отца, – с трудом сохраняя спокойствие, подтвердил Шепиэн.

И, забыв обо всем, он вместе с сестренкой бросился в хижину.

– Теперь скорее за работу! – скомандовал мальчик.

И, несмотря на то что челн был еще очень далеко и ожидать отца можно было не раньше чем через час, в хижине пошел дым коромыслом. Дети подбежали к полке, уставленной горшками с вареньем из голубики и земляники. Саджо делала эти запасы ежегодно, но в этом году она впервые сварила варенье сама, без чьей-либо помощи, а так как девочка много потрудилась, то варенье получилось очень вкусным, и теперь ей хотелось убедить себя, что она давно овладела этим искусством. Затем они поставили на плиту большой чайник, потыкали длинной вилкой оленину, чтобы узнать, готова ли она, снова бежали к столу, еще раз возвращались к печке, метались взад и вперед – словом, вели себя так, как обычно ведут себя дети в подобных случаях, независимо от того, богаты они или бедны, принадлежат ли к королевскому роду или же они просто маленькие индейцы.

И когда наконец наступил долгожданный момент и желтое каноэ с настороженным птичьим глазом и виляющим хвостом врезалось в песчаный берег, все заговорили в один голос.

Не успел Гитчи Мигуон выйти из челна, как он уже сжимал одной рукой две детские руки; другую он почему-то держал сзади. Он пытался ответить на все вопросы сразу, и лицо его, которое бывало иногда таким суровым, сияло веселой улыбкой, когда он заговорил:

– Дети, дети, подождите, дайте же мне сказать... Да, я здоров... **Метисов** не видел, нет – наш охотничий участок в порядке... Да, еще как скучал! Но теперь уже мы вместе. Ну, с днем рождения, Саджо! С днем рождения, дочка!

Только теперь он протянул вперед руку, которую держал за спиной. В ней была берестяная корзинка с плетеной ручкой из кедровой коры.

– Смотрите! Это тебе подарок, Саджо. Ко дню рождения.

Охотник отдал корзинку дочери, предупредив, чтобы она несла ее очень осторожно. Потом он обратился к сыну:

– Тут и для тебя, Шепиэн, – их там двое.

– Двое? Кто же это там, отец? – спросил Шепиэн, следуя за сестрой, которая уже прошла вперед. – Что в корзинке?

Но Большое Перо ответил уклончиво:

– Подожди немного и увидишь.

И они пошли вслед за Саджо вверх по тропинке к дому. Девочка смешно семенила ногами, ее расшитые бусами мокасины мелькали из-под клетчатой юбки, но корпус, начиная от колен, она старалась совсем не сгибать, вероятно для того, чтобы не шелохнуть корзинку. Она держала ее в вытянутой руке, словно это было большое и очень хрупкое яйцо, которое могло разлететься на тысячу кусочков при малейшем толчке.

Неудивительно, что Саджо шла так осторожно: из таинственной корзинки доносились очень странные звуки.

«Ребеночек! – подумала она. – Кажется, даже два. Как только могли они поместиться в такой маленькой корзиночке? Наверно, совсем крошечные».

И, как только Саджо вошла в хижину, она тихонько опустила корзинку на пол; Шепиэн уже был тут как тут и придерживал таинственную корзинку за края, пока Саджо поднимала

крышку. Заглянув внутрь, она увидела то, что для вас уже не тайна: двух маленьких пушистых зверьков. Они уцепились крошечными лапками, словно ручками, за край корзинки и смотрели на нее так доверчиво своими блестящими черными глазками-пуговками!

– О-о-о! – у нее захватило дыхание. – Ах, ах!.. – Это все, что ей удалось произнести, и ничего другого она не могла придумать. – Ах! – снова вырвалось у нее. – Медвежата, живые медвежата! – воскликнула она и осторожно опрокинула корзинку набок.

Зверьки вылезли, и только теперь, когда Саджо увидела их плоские хвостики, она поняла, что это за малыши.

– Это еще лучше, чем медвежата!

– Маленькие бобры! Маленькие бобры! – побледнев от волнения, закричал Шепиэн. От его мужской выдержки и чувства собственного достоинства не осталось и следа. – Настоящие, живые!

Большое Перо улыбался, глядя на детей. Вряд ли можно было ожидать лучшей встречи для бобрят. Саджо сидела на полу все еще с полуоткрытым от изумления ртом, но уже ни один звук не вылетал из него. Она даже забыла показать отцу занавески, которыми так гордилась; правда, можно не сомневаться, что они не ускользнули от зоркого глаза Большого Пера. И обед тщетно ждал на плите, а знаменитое ружье Шепиэна, такое чистое и блестящее, стояло незамеченным в углу.

Большое Перо много возился с бобрятами во время долгого путешествия и хорошо их кормил – они стали толстенькими, кругленькими, упитанными. Саджо казалось, что эти зверьки – самые прелестные существа на свете. А когда **они кое-как вскарабкались к ней на колени**, девочка наклонилась и прижалась щекой к их пушистой шерстке, которая так хорошо пахла от подстилки из душистой травки и ивовой коры.

Большое Перо и Шепиэн пошли за свежей подстилкой и кормом для маленьких гостей.

Саджо осталась одна. И, пока никого не было, она взяла на руки сначала одного, потом другого бобренка и держала их по очереди в сложенных ладонях, где они очень удобно помещались, и что-то нежно шептала им. А они ухватились своими ручонками (иначе нельзя назвать их лапки) за ее пальцы и – о чудо! – что-то по-детски пролепетали ей в ответ и при этом внимательно смотрели на нее своими черными блестящими глазками.

Потом Саджо держала обоих бобрят вместе, и они тыкались своими теплыми влажными носиками в ее шею, сопели и пыхтели совсем как маленькие ребята.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.